

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Г. АСМОЛОВ

Югепсихологическая теория деятельности, созданная Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия и их последователями вступила в критическую фазу своего развития. Внешним симптомом наступления этой фазы являются участвовавшие дискуссии о роли категории деятельности в построении концептуального аппарата психологической науки. В целом ряде выступлений все настойчивее звучит мысль, что категории деятельности грозит превращение ее в некое чудовище, готовое поглотить все другие психологические понятия [4], [14], [37], [45]. Внутренним симптомом возникновения критической фазы развития теории деятельности является разрыв между большим фактическим материалом, полученным в различных специальных областях психологии, разработка которых ведется на основе теории деятельности, и исходными принципами этой теории, сформулированными еще в период ее становления. В результате возникает парадокс: теория, рожденная запросами практики, начинает восприниматься как теория вне практики. Критическая фаза в развитии той или иной теории, как и кризис в развитии жизни ребенка, означает начало нового этапа в ее судьбе. Для того чтобы он наступил, на наш взгляд, необходимо предпринять по меньшей мере три следующих шага. Первый шаг должен быть нацелен на вычленение исходных принципов теории деятельности. Второй шаг заключается в анализе сквозь призму этих исходных принципов фактического материала, накопленного в специальных отраслях психологии и в общей психологии. Итогом этого анализа будет преодоление разрыва между ключевыми принципами теории деятельности и фактическим материалом, а также уточнение и изменение самих этих принципов. И наконец, третий шаг — разработка перспектив фундаментальных и прикладных исследований, т. е. определение зоны ближайшего развития психологии, строящейся на основе югепсихологической теории деятельности.

Задача нашей статьи вычленить исходные принципы югепсихологической теории деятельности (т. е. попытка осуществить этот первый шаг). Принципы, о которых пойдет речь, выкристаллизовались в борьбе с различными направлениями зарубежной психологии. Поэтому мы считаем целесообразным раскрыть их, противопоставив принципам и постулатам других психологических теорий, причем не отбрасывая положений всех этих концепций, а «снямая» их в процессе сопоставительного анализа.

В качестве основных принципов теории деятельности могут быть выделены принципы предметности, активности, неадаптивной природы человеческой деятельности, анализа деятельности «по единицам», интериоризации и экстериоризации, опосредствования, а также принципы зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности и историзма.

1. ПРИНЦИП ПРЕДМЕТНОСТИ КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ СТИМУЛЬНОСТИ

Принцип предметности составляет, по точному выражению В. В. Давыдова [24],

ядро теории деятельности. Именно этот принцип и тесно связанный с ним феномен предметности позволяет провести четкую разделяющую линию между деятельностью подходом и различными натуралистическими поведенческими концепциями, основывающимися на схемах «стимул—реакция», «организм — среда» и их

многочисленных модификациях в необихевиоризме [9]. Поскольку без детального освещения принципа предметности нельзя понять смысл теории деятельности, необходимо очертить его содержание.

Сделать это, однако, далеко не просто, так как с первых же шагов нас подстерегают те «милые» препятствия, как называет такого рода препятствия Ф.Энгельс, которые расставляет на вашем пути цепкое метафизическое мышление. Первое из этих препятствий заключается в том, что «предмет» берется в своем обыденном понимании как «вещь», т. е. вне зависимости от деятельности. Такого рода понимание является благодатной почвой для разного рода вульгаризмов вроде высказывания о том, что предметная деятельность — это не что иное, как манипулирование с предметами, и только. При этом окружающая нас действительность сразу же, как это и проделывают бихевиористы, благополучно рассекается на мир стимулов («вещей»), воздействующих на субъекта, и мир реакций. Между тем, как специально подчеркивал А. Н. Леонтьев, он понимает предмет не как «вещь», сам по себе существующий объект природы, а как «...то, на что направлен акт...», т. е. как нечто, к чему относится живое существо, как *предмет его деятельности* — безразлично, деятельности внешней или внутренней» [34; 39]. И далее, в более поздней работе продолжает: «...предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» [36; 84]. В свою очередь, регулируемая образом деятельность субъекта опредмечивается в своем продукте. Опредмечиваясь в продукте, она превращается в идеальную *сверхчувственную* сторону производимых ею вещей, их особое системное качество [24].

Все высказанные выше теоретические положения являются основой понимания принципа предметности в теории деятельности. Однако за ними нелегко просматривается психологическая реальность, и порой создается впечатление, что эти положения остаются на уровне высоких абстракций. Поэтому-то мы считаем необходимым прямо указать на различные феномены предметности, которые проявляются в познавательной и мотивационно-потребностной сферах деятельности личности.

В экспериментальной психологии существует немало фактов, на материале которых можно отчетливо высветить самые различные аспекты феномена предметности. Прежде всего к числу этих фактов относятся обнаруженные гештальтпсихологами К. Левиним и К. Дункером феномены «характера требования» и «функциональной фиксированности» объектов. «Характер требования» и «функциональная фиксированность» относятся к такого рода свойствам объекта, которыми объект наделяется, только попадая в целостную систему, в то или иное феноменальное поле [25], [53].

Сущность феномена и принципа предметности особенно ярко проступает в тех фактах, в которых проявляется расхождение и даже конфликт между естественной логикой движения, определяемой чисто физическими свойствами объекта как «вещи», и логикой действия с «предметом», за которым в процессе общественного труда фиксирован вполне определенный набор операций. Такого рода конфликт и выступил в качестве прообраза методического принципа экспериментальных исследований практического интеллекта ребенка, которые проводились А. Н. Леонтьевым и его сотрудниками Л. И. Божович, П. Я. Гальпериним, А. В. Запорожцем и другими в 30-е гг. Приведем в качестве примера исследование Л. И. Божович. Она просила детей 3—5 лет достать картинку, которая прикреплена к рычагу на столе. Хитрость заключалась в том, что

для того, чтобы дотянуться до картинки, ребенок должен был оттолкнуть доступный ему конец рычага от себя. Ребенок же вначале пытается дотянуться до него рукой, затем тянет

ручку рычага к себе, и все время терпит неудачи, так как логика непосредственного восприятия ситуации вступает в конфликт с логикой «орудия», которая, используя термин К. Левина, «требует», чтобы ребенок оттолкнул ручку от себя [28], лишь тогда картинка приблизится к нему. На том же принципе построены эксперименты П. Я. Гальперина, в которых был пойман момент перехода от естественной логики движения руки с орудием как природной вещью к логике, задаваемой опредмеченной в орудии операцией [22]. Впоследствии специфические особенности «предметных» действий очень ясно и полно были описаны Н. А. Бернштейном. «Дело в том, что движения в предметном уровне ведет не пространственный, а смысловой образ и двигательные компоненты цепей уровня действий диктуются и подбираются по смысловой сущности предмета и того, что должно быть проделано с ним. Поскольку же эта смысловая сущность далеко не всегда совпадает с геометрической формой, с пространственно-кинематическими свойствами предмета, постольку среди движений — звеньев предметных действий вычленяется довольно высокий процент движений, ведущих *не туда*, куда непосредственно зовет пространственное восприятие...» [12; 131]. Процедуры открывания крышки шкатулки путем прижатия ее книзу, поворота лодки против часовой стрелки путем поворота руля по часовой стрелке — все это примеры движений «не туда», в которых вещь фигурирует в первую очередь не как «материальная точка в пространстве», не как стимул, вызывающий реакции, а как предмет — носитель общественно-исторического опыта, определяющий специфику предметного действия.

А. Н. Леонтьев и его сотрудники, исследующие значения, фиксируемые в орудиях, Н. А. Бернштейн, изучавший характер предметных действий, имели дело с той же реальностью, что К. Левин и К. Дункер. Но в отличие от гештальтпсихологов они сумели раскрыть действительное происхождение этой реальности, этих «системных качеств» объекта [33], усмотреть за ней «осевшую» на объектах человеческого мира деятельность (см. [9]).

Феномен предметности исчезает, стоит лишь изъять объект из той или иной деятельности как особой системы. Поэтому все дискуссии (см. [16]) о том, вынесен ли у А. Н. Леонтьева мотив вовне, или же он внутри субъекта, основаны на недоразумении, вытекающем из чисто натуралистической трактовки взаимоотношений между субъектом и объектом. Еще раз подчеркнем, что ни на каком объекте, взятом самом по себе, не написано, что он является мотивом деятельности, и в то же время любой объект может превратиться в мотив (предмет потребности), приобрести такие сверхчувственные системные качества как «характер требования», тогда, и только тогда, когда он попадает в определенную систему деятельности.

Наделяется этими сверхчувственными системными качествами и такой вполне «телесный объект», как человек, вступая во все новые и новые отношения с другими людьми и становясь порой мотивом их деятельности. Парадокс здесь заключается в том, что именно эти качества человека, а не то, что спрятано под поверхностью его кожи, составляют сущность его личности. Здравый смысл в самых разных формах упорно сопротивляется подобному «предметному» пониманию личности, выступая в обыденном сознании порой в виде расхожих представлений, вроде представления об идеализации, приукрашивании любимого человека. В действительности же любящий, включаясь в такой вид творческой деятельности, как «творчество любви», не идеализирует, а одновременно *наделяет* и раскрывает самое что ни на есть реальное в другом человеке — лучшее в нем¹.

При изучении феноменов предметности встает немало вопросов, среди которых

особое место занимает вопрос о генезисе предметности. В самой предварительной форме можно предположить, что предметность в своем развитии минует три следующих ступени: в филогенезе мир выступает для животных как *биосмысловое пространство*, пространство биологических смыслов; на ранних этапах развития человечества мир предстает перед человеком как *пространство значений* (последнее особенно рельефно видно на примере

анализа первобытного сознания, где смысл и значение еще неразрывны, еще полностью совпадают [35]); и наконец, следующей ступенью развития предметности является рождение *личностно-смыслового пространства*.

Итак, реальным основанием для выделения принципа предметности служит целый ряд явлений, описанных нами выше и охарактеризованных как феномены предметности. Если принцип предметности выделяется как исходный, то а) снимается присущее бихевиоризму противопоставление мира стимулов и мира реакций; б) субъект и объект рассматриваются как полюса одной цельной системы, системы деятельности, внутри которой они только и обретают присущие им системные качества. Анализ деятельности на полюсе субъекта вплотную подводит нас к еще одному фундаментальному принципу теории деятельности — принципу активности.

2. ПРИНЦИП АКТИВНОСТИ КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ РЕАКТИВНОСТИ

Представления о реактивной и пассивной природе человека всегда были и остаются отличительным признаком различных психологических и физиологических концепций, основывающихся на идеях механистического материализма, для которого характерен взгляд на человека как своего рода машину. Своеобразной иллюстрацией устойчивости этих представлений может послужить воображаемая переключка между философами средневековья, физиологами, работающими в рамках рефлекторного подхода, бихевиористами и представителями когнитивной психологии, которые строят свои исследования познавательных процессов, исходя из «компьютерной метафоры» [55]. Так, Ч. Шеррингтон словно переключается с Дж. Уотсоном, говоря, что животные являются лишь марионетками, которых явления внешнего мира заставляют совершать то, что они совершают [49; 18]. Однако Ч. Шеррингтон вслед за Р. Декартом предусмотрительно говорит о реактивной, пассивной природе *только* животных. Родоначальник же бихевиоризма Дж. Уотсон с присущей ему категоричностью заявляет: «... Психологически человек все еще остается комком непроанализированной протоплазмы» [48; 6]. А Дж. Уотсону спустя полвека вторит Б. Скиннер, утверждая, что за поведение человека несет ответственность не он сам, а окружающая его среда [56].

Превращение человека у бихевиористов в марионетку, а в социальном бихевиоризме Скиннера — в функционера, манипулирующего посредством разных подкреплений, — вещь закономерная. Предложив для объяснения поведения лаконичную схему S — R, бихевиористы предприняли попытку исключить такие якобы мистические категории, как «намерение», «образ», «сознание», «апперцепция», «свобода», «вина» и т. п., — словом все то, что было связано с *активностью и пристрастностью субъекта* (см. [7]).

В противовес этим принципам советские психологи, и в частности представители той школы, о которой мы говорим, с самого начала отстаивали положение о пристрастности, активности психического отражения, опосредствующего деятельность субъекта. С нашей точки зрения, сейчас могут быть выделены три подхода, раскрывающие разные грани принципа активности.

Первый и наиболее традиционный из них состоит в том, что исследуется зависимость познавательных процессов от различного рода ценностей, целей, установок, потребностей, эмоций и прошлого опыта, которые определяют *избирательность и направленность* деятельности субъекта. «Понятие субъективности образа, — отмечает А. Н. Леонтьев, — включает в себя понятие *пристрастности* субъекта. Психология издавна описывала и изучала зависимость восприятия, представления,

мышления от того, «что человеку нужно», — от его потребностей, мотивов, установок, эмоций. Очень важно при этом подчеркнуть, что такая *пристрастность* сама объективно детерминирована и выражается не в неадекватности образа (хотя и может в ней выражаться), а в том, что она позволяет активно проникать в реальность» [35; 55—56]. Различная глубина вкладов субъекта в психическое отражение проявляется на разных уровнях — от избирательности восприятия, обусловленной предшествующим контекстом, до пристрастности отражения, обусловленной мотивами личности, т. е. до раскрытия личностных смыслов тех или иных событий. Отметим, что подобное понимание активности во многом роднит рассматриваемую нами теорию деятельности с разными течениями у нас в стране и за рубежом. Оно может быть полностью выражено известной формулой С. Л. Рубинштейна, согласно которой внешние причины действуют через внутренние условия [42]. Второй подход к проблеме активности является антиподом различных представлений о поведении, основывающихся на принципе реактивности. Этот подход выражается во взгляде на познавательные и вообще психические процессы как на творческие, продуктивные, как на процессы *порождения* психического образа. Представители его (это прежде всего Н. А. Бернштейн [13], П. Я. Гальперин [21] и А. Н. Леонтьев [35]) с самого начала показывают, что в той среде, где возможно поведение как реактивное приспособление к миру, в возникновении психического отражения, собственно говоря, нет никакой необходимости, а все реагирование субъекта может быть основано на врожденных физиологических механизмах или готовых для распознавания объекта шаблонах и эталонах.

Совсем недавно и с несколько неожиданной стороны представители второго подхода получили подтверждение не только его правильности, но и своевременности (см. [55]). Разработчики математических моделей распознавания образа убедились в том, что сказочная форма «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что» имеет гораздо более глубокий смысл, чем это может показаться с первого взгляда. Оказалось, что в реальной жизни встреча с подобными «плохо сформулированными задачами» является скорее правилом, чем исключением. Мы то и дело попадаем в ситуации, где буква S при случае может быть воспринята как цифра 5 или змея и т. д. Для таких ситуаций характерны следующие черты: во-первых, они содержат неопределенность, и мало указаний на то, а что же требуется получить; во-вторых, для их решения постоянно приходится обращаться к частным, разовым способам решения, применимым к данному конкретному случаю. Таким образом, как мы видим, представители различных вариантов теории распознавания образа и вместе с ними психологи когнитивистского направления, такие, как У. Найссер, попадают в затруднительное положение, когда им приходится решать вопрос, как распознаются «плохо оформленные» категории. Выход из этого положения пытаются найти на пути выделения универсальных шаблонов, посредством которых можно распознавать образ, подогнать стимул к готовому шаблону [55]. Такого рода шаблоны или готовые рефлекторные механизмы поведения были бы наиболее экономным способом приспособления в стационарной, а не в изменчивой среде. Именно в стационарной среде поведение по принципу реактивности обеспечило бы организму наилучшее выживание.

Но, как отмечал Н. А. Бернштейн развивая взгляды на моторное запоминание как активную творческую деятельность, что бы человек ни делал — бежал ли по неровному месту, боролся с другими животными, выполнял тот или иной рабочий процесс, — всегда и всюду он занимается преодолением сил из категории *неподвластных, не предусмотренных и не могущих быть преодоленными никаким стереотипом, движения, управляемым только изнутри* [12]. В связи с этим положение ни запоминание, ни восприятие не могут быть объяснены при помощи ассоциативных или бихевиористских концепций, рассматривающих эти процессы как пассивное «отдавание» воздействиям, идущим извне, и как опирающиеся на те или иные раз и навсегда приготовленные

следы, шаблоны в нервной системе. Они всегда представляют собой многофазное *активное* строительство, т. е. не проторение или повторение движений, а их *построение* [12]. Близки к представлениям Н. А. Бернштейна идеи А. Н. Леонтьева и его последователей о формировании образа как его порождении, двойном уподоблении — свойствам воздействующего объекта и тем задачам, которые предстоит решать (см., например, [29]). Таким образом, этот второй подход к проблеме активности на материале исследований восприятия и памяти убедительно доказывает ограниченность принципа реактивности как универсального принципа при объяснении деятельности человека.

Третий подход к проблеме активности во главу угла ставит идею о самодвижении деятельности, об активности субъекта как необходимом внутреннем моменте его саморазвития. Поскольку этот подход к проблеме активности неотрывен от принципа неадаптивной природы человеческой деятельности, он будет разобран в следующем разделе.

3. ПРИНЦИП НЕАДАПТИВНОЙ ПРИРОДЫ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ АДАПТИВНОСТИ

Анализ принципа неадаптивности как принципа, отражающего специфическую характеристику человеческой деятельности, необходимо включает в себя следующие моменты: а) критический анализ теорий эмпирической психологии, берущих за основу биологический принцип гомеостаза для объяснения поведения человека; б) раскрытие природы процесса преобразования потребности в ходе деятельности по формуле: «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» (А. Н. Леонтьев); в) выделение положения о предметном, в марксовом понимании этого слова, и бесконечном характере развития человеческих потребностей вследствие универсальной пластичности поисковой активности и постоянного воспроизводства духовных и материальных предметов культуры; г) новые попытки изучения психологических механизмов саморазвития деятельности. Остановимся коротко на каждом из них.

Принцип гомеостаза психология унаследовала от традиционных биологических теорий, утверждающих, что все реакции организма как системы, пассивно приспособляющейся к воздействиям среды, призваны лишь выполнять сугубо адаптивную функцию — вернуть организм в состояние равновесия. В эмпирической психологии этот принцип принимал, как это было показано в исследовании В. А. Петровского, самые различные формы [39]. Особенно явно он выступил в рефлексологии, в которой вся активность субъекта сводится к установлению равновесия со средой. Но какую бы из этих форм мы ни взяли, всех их объединяет одно, а именно выделение стремления субъекта к некоторой *конечной, заранее предустановленной цели*. Подчиненность активности какой-либо конечной, заранее установленной цели и составляет ту существенную особенность, на основе которой мы оцениваем поведение как адаптивное [39]. Наивно было бы при этом отрицать наличие у человека широкого класса поведенческих актов адаптивной природы (см. об этом [5]). Точно так же как самолет, взлетающий в небо, как однажды метко выразился Л. М. Веккер, не противоречит и тем более не отменяет законов земного тяготения, возникновение неадаптивной деятельности никоим образом не является отрицанием адаптивных поведенческих реакций

Неадаптивный характер предметной деятельности явственно выступает при изучении активности человека, отвечающей формуле «внутреннее (субъект) действует через внешнее и тем самым само себя изменяет». Суть этой леонтьевской формулы активности можно проиллюстрировать на примере развития человеческих потребностей. Вначале потребность

выступает как чисто динамический силовой импульс, некоторый физиологический порыв (drive), который приводит к возникновению направленной поисковой активности. Вследствие своей *универсальной пластичности* (В. В. Давыдов) поисковая активность может подчиниться, уподобиться, принять в себя самые разные

предметы окружающего мира [24]. До того, как это «внутреннее» побуждение не нашло в процессе активности свой предмет, оно способно вызывать лишь «внешнее» — саму эту поисковую активность. Однако после встречи этого побуждения с предметом, который заранее не предустановлен, картина разительно меняется. Побуждение преобразуется, опредмечивается, и потребность начинает направлять, вести за собой деятельность. Только в этой своей направляющей функции потребность является предметом психологического анализа [36]. Если у животных диапазон объектов, на которых может фиксироваться потребность, весьма ограничен, то у человека в силу постоянного преобразования им среды, производства материальных и духовных ценностей, этот диапазон не имеет границ. Преобразование по описанной выше формуле активности потребностей, переход их из физиологического состояния нужды, выступающей в роли предпосылки деятельности, на уровень собственно психологической регуляции деятельности, естественно, лишь один из частных случаев таких трансформаций. Подобного рода трансформации происходят и с индивидом в целом, приводя к рождению личности, и с личностью, выступая как самодвижущая сила ее развития. Последний момент особенно выделен С. Л. Рубинштейном, который писал: «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя» [43; 334].

Методологические представления о «самостоятельной силе реакции» (Ф. Энгельс), о *самодвижении* деятельности определили общую стратегию поиска конкретных психологических феноменов и механизмов этого самодвижения. А. Н. Леонтьев подчеркивал, что источники как саморазвития, так и сохранения, устойчивости деятельности должны быть найдены в ней самой. Для ответа на вопрос, как рождается новая деятельность, недавно была предпринята попытка экспериментально исследовать возникающую по ходу движения деятельности избыточную активность, этот своего рода «движитель» деятельности [39]. На материале анализа феномена «бескорыстного риска», проявляющего в ситуации опасности, было показано, что человеку присуща явно неадаптивная по своей природе тенденция действовать как бы вопреки адаптивным побуждениям над порогом внутренней и внешней ситуативной необходимости. В основе феномена «бескорыстного риска», в частности, и в основе зарождения любой новой деятельности лежит порождаемый развитием самой деятельности источник — «надситуативная активность». Эти исследования резко выдвигают на передний план идею о неадаптивном, непрагматическом характере активности субъекта, его саморазвитии и тем самым закладывают основания для нового проблемного поля анализа деятельности [39]. С исследованиями надситуативной активности непосредственно соприкасаются исследования, в которых вводятся представления об установках как механизмах, обеспечивающих устойчивость движения деятельности [9]. Если установки как бы пытаются удержать деятельность в заранее заданных границах, обеспечивают ее устойчивый характер, то надситуативная активность, взламывая эти установки, выводит личность на новые уровни решения жизненных задач [8], [9], [38], [39]. Представления динамического подхода к изучению механизмов развития деятельности во многом пересекаются с трактовкой психического как процесса в школе С. Л. Рубинштейна (см. [14]). С позиции развиваемого в русле теории деятельности динамического подхода к психологическому анализу деятельности можно принципиально по-новому рассмотреть экзистенциалистские концепции зарубежной гуманистической психологии о

самореализации (Г. Оллпорт) и самоактуализации (А. Маслоу) личности [52], [53] и раскрыть подлинную природу психологических механизмов ее развития. Все это составляет специальную проблему появившегося в последнее время цикла исследований личности [10].

4. ПРИНЦИП ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

Положение Л. С. Выготского об опосредствованном характере высших психических

21

функций, об использовании внешних и внутренних средств знаков как «орудий», при помощи которых человек овладевает своей деятельностью, переходит к преднамеренной произвольной регуляции поведения, вошло в арсенал основополагающих принципов советской психологической науки и широко освещено в отечественной литературе [17], [18], [19], [23].

Прежде всего следует выделить те задачи, ради разрешения которых Л. С. Выготским был введен этот принцип. Такой задачей была, во-первых, задача преодоления постулата непосредственности в традиционной психологии и вытекающей из этого постулата натурализации, отождествления закономерностей приспособления к миру; у животных и человека. Второй и главной задачей была задача изучения *преобразования* природных механизмов психических процессов в результате усвоения человеком в ходе общественно-исторического онтогенетического развития продуктов человеческой культуры в «высшие психические функции», присущие только человеку. Если воспользоваться словами К. Маркса, это была задача изучения преобразования человека из «субъекта природы» в «субъект общества» [2; 50]. При решении этой задачи Л. С. Выготским и были развиты взаимосвязанные положения об опосредствованном характере высших психических функций и об интериоризации [18]. То, каким образом воплотились эти положения в конкретных психологических исследованиях, можно проиллюстрировать на материале анализа мнемической деятельности. В развитии представлений психологов о роли средств в процессах запоминания и забывания можно выделить три периода. Вначале психологи, такие, Г. Эббингауз, всячески старались устранить влияние мнемотехнических приемов и средств на запоминание, воспринимая их как досадные препятствия на пути поиска «чистых» законов памяти. Для второго периода, падающего в зарубежной психологии примерно на 60-е гг., характерно то, что использование средств уже не воспринимается как трюкачество, а становится предметом специального, исследования при анализе приемов повышения эффективности запоминания (см. [55]). Коренной перелом во взглядах на роль внешних и внутренних средств в запоминании и шире — в человеческом поведении вообще, происходит в работах школы Л. С. Выготского конца 20-х начала 30-х гг. Там, где представители ассоциативной и когнитивной психологии усматривают лишь приемы, облегчающие запоминание, Л. С. Выготский видит переход к принципиально новому типу приспособления человека к действительности, отличному от непосредственно определяемого стимуляцией приспособления у животных. Иными словами, в одних и тех же фактах Л. С. Выготский и представители указанных направлений зарубежной психологии раскрывают совершенно разное. Л. С. Выготский писал: «Если вдуматься глубоко в тот факт, что человек в узелке, завязываемом на память, в сущности конструирует извне процесс воспоминания,... напоминает сам себе через внешний предмет и как бы выносит, таким образом, процесс запоминания наружу, превращая его внешнюю деятельность, если вдуматься в сущность того, что при этом происходит, один факт может раскрыть все своеобразие высших форм поведения. В одном случае нечто запоминается, в

другом — человек запоминает нечто. В одном случае временная связь устанавливается благодаря взаимодействию двух раздражителей, одновременно воздействующих на организм; в другом — человек сам создает при помощи искусственного сочетания стимулов временную связь в мозгу.

Самая сущность человеческой памяти состоит в том, что человек активно запоминает с помощью знаков. О поведении человека в общем виде можно сказать, что человек активно вмешивается в свои отношения со средой, через среду изменяет поведение, подчиняя его своей власти» [18; 119—120]. В принципе опосредствования как регулятивном принципе социальной детерминации поведения при помощи специфически культурных стимулов-знаков просматриваются ставшие впоследствии (в теории предметной деятельности) ключевыми положения об опосредствовании психического отражения тем содержательным процессом, который связывает субъекта с предметным миром

т. е. процессом предметной деятельности (А. Н. Леонтьев), и столь важные для современной социальной психологии представления об опосредствовании межличностных отношений совместной предметной деятельностью (А. В. Петровский). Из принципа опосредствования вырастает положение о единстве строения внешней и внутренней деятельности, очертания которого уже отчетливо прорисовываются в исследованиях А. Н. Леонтьева внешнего опосредствованного запоминания и внутреннего опосредствованного запоминания, возникающего в результате перехода, «вращения» внешних средств во внутренние средства, в онтогенетическом развитии памяти². В этом же исследовании наглядно показывается, что принцип опосредствования неотривен от принципа интериоризации.

5. ПРИНЦИП ИНТЕРИОРИЗАЦИИ — ЭКСТЕРИОРИЗАЦИИ КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

На пути анализа принципа интериоризации — экстериоризации как принципа, раскрывающего механизм усвоения человеком общественно-исторического опыта, перехода совместных внешних действий во внутренние действия субъекта, развития личности, исследователей поджидает немало трудностей. И одна из них состоит в том, чтобы разрушить очень устойчивую ограниченную интерпретацию принципа интериоризации.

Прежде всего, как нам кажется, необходимо показать неоправданность долгое время бытовавшего мнения о том, будто бы представители теории деятельности выступали против понятия «социализация» как такового. Почвой для возникновения этого мнения послужили следующие основания. Первое из них, как на это справедливо указывает Г. М. Андреева [6], имеет своим истоком резкую критику Л. С. Выготским представлений о социализации ребенка в концепции Ж. Пиаже. В ранних исследованиях Ж. Пиаже социальная среда интерпретируется в соответствии с канонами психоанализа как внешняя, чуждая по отношению к ребенку сила, которая *принуждает* его принять чуждые схемы мысли (см. [17]). Против пестрой смеси в концепции социализации, в которой причудливо переплетаются психоанализ с социологической теорией Э. Дюркгейма, и выступал Л. С. Выготский, а затем и его последователи. Вторым истоком указанного выше мнения является настойчивое стремление А. Н. Леонтьева дать содержательную характеристику понятию «социализация». Пытаясь сделать это, А. Н. Леонтьев вводит положение об интериоризации — экстериоризации как взаимопереходах в системе предметной деятельности человека. И наконец, еще одним основанием для возникновения этого мнения, лишь разрушив которое мы сможем вернуть понятию «интериоризация» его более

широкий первоначальный смысл, является то, что с середины 50-х гг. основные усилия таких представителей деятельностного подхода, как П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Н. Ф. Талызина, сконцентрировались на изучении интериоризации как механизма перехода из внешней практической или познавательной деятельности во внутреннюю деятельность [22], [23], [45]. В этих исследованиях, поставивших в центр проблему перехода из внешнего плана деятельности во внутренний *идеальный* план, выделилась теория поэтапного, или планомерного, формирования умственных действий, созданная работами П. Я. Гальперина и его последователей. Однако нацеленность этих исследований прежде всего на изучение познавательной деятельности индивида привела к неявному возникновению сужения понятия «интериоризация» к понятию, раскрывающему механизм превращения материального в идеальное, внешнего во внутреннее в *индивидуальной* деятельности, а также к трактовке в исследованиях А. Н. Леонтьева и П. Я. Гальперина внешней деятельности как не имеющей в своем составе психических компонентов (см. [14]). Более широкий смысл понятия «интериоризация» как механизма социализации оказался в тени.

Между тем, еще в начале 30-х гг. Л. С. Выготский весьма недвусмысленно писал: «Для нас сказать о процессе «*внешний*» — значит сказать «*социальный*». Всякая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией: она была прежде социальным отношением двух людей» [18; 197] (курсив мой — А. А.). Напомним, что для Л. С. Выготского интериоризация и представляла собой переход от внешнего, интерпсихического к внутреннему, интрапсихическому. В понятии «интериоризация» необходимо выделить три грани.

Первую грань можно было бы назвать гранью *индивидуализации*. Раскрытие этой грани позволило Л. С. Выготскому отразить основной генетический закон культурного развития: от интерпсихического; социальной коллективной деятельности ребенка к индивидуальному, интрапсихическому, собственно психологическим формам его деятельности. Суть этой закономерности развития конкретных видов деятельности рельефно выступает в исследованиях Л. С. Выготского по превращению внешней социальной речи, «речи для других», во внутреннюю речь, «речь для себя». Совсем недавно начали появляться исследования интериоризации межличностных отношений в онтогенезе. Так, в исследовании В. В. Абраменковой показывается, как возникают и проявляются гуманные отношения к сверстнику у дошкольников в совместной деятельности [13]. Вначале совместная деятельность, предполагающая реальное сотрудничество детей, порождает и полностью определяет опосредствованные ею гуманные отношения. С возрастом гуманные отношения, интериоризируясь в ходе совместной деятельности, фиксируются в гуманных смысловых установках личности ребенка, проявляющихся в таких переживаниях ребенка, как со-; страдание и сорадование неудачам и успехам других. В онтогенезе взаимосвязи между гуманными, или шире, межличностными, отношениями, преобразованными в установки личности, и совместной деятельностью как бы переворачиваются: если у детей совместная деятельность непосредственно порождает и опосредствует гуманные отношения, то у взрослых гуманные отношения, фиксировавшись в установках личности, сами опосредствуют и даже определяют выбор тех или иных мотивов конкретной деятельности. Такого рода исследования ставят перед представителями теории деятельности проблему изучения интериоризации межличностных отношений, которая, еще ждет своего решения.

Вторая грань понятия «интериоризация», отражающая переход от «мы» к «я» [32], лучше всего, на наш взгляд, передается посредством термина *интимизация*. Исследуя эту грань, мы подходим к таким проблемам, как проблемы самосознания личности. При изложении этого аспекта интериоризации можно сослаться, например, на глубокие

наблюдения С. Л. Рубинштейна, который в простом факте называния двухлетними детьми себя в третьем лице (Петя, Ваня), т. е. так, как их зовут другие люди, а лишь затем в первом лице («я»), видит начало осознания детьми своего «я» [43].

И наконец, третья, наиболее изученная грань понятия «интериоризация» — это интериоризация как *производство внутреннего «плана сознания»*. Казалось бы, детальное изучение этого аспекта интериоризации должно было бы послужить своеобразной гарантией от односторонних его интерпретаций. Тем не менее интериоризация порой трактуется как прямой, механический перенос внешнего, материального во внутреннее, идеальное. Отчасти такое впечатление может возникнуть из-за подчеркивания в теории деятельности положения о единстве строения внешней и внутренней деятельности. Но единство, например, мысли и слова, как неоднократно подчеркивал Л. С. Выготский, никак не означает их тождественности, одинаковости. Для того чтобы избежать возникновения впечатления об интериоризации как механическом переносе, можно привести красноречивые факты тех трансформаций, которые претерпевает строение внешней речи при преобразовании во внутреннюю речь (особый синтаксис, преобладание смысла над значением, слияние смыслов и т. п.) [17], или такие выделенные П. Я. Гальпериным специфические особенности перехода

24

внешней деятельности во внутреннюю как обобщение, свертывание и т. п. Безусловно, что сами эти особенности также нуждаются в дальнейшем изучении, выявлении их собственно психологического содержания [24].

Только рассмотрение всех этих граней принципа интериоризации — экстериторизации позволит дать содержательную характеристику представлений о механизмах социализации в теории предметной деятельности.

6. ПРИНЦИП ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА «ПО ЕДИНИЦАМ» КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ АНАЛИЗА «ПО ЭЛЕМЕНТАМ»

Принципы реактивности и непосредственности постоянно соседствуют в основывающихся на механистическом материализме психологических теориях с принципом атомарного анализа психики. Этот принцип зиждется на присущей механистическому материализму уверенности, что целое есть всегда сумма составляющих его частей, и не более того (см. об этом: Н. А. Бернштейн [12]). В психологии этот принцип анализа был назван Л. С. Выготским принципом анализа «по элементам». «Существенным признаком такого анализа является то, — писал Л. С. Выготский, что в результате его получают продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, — элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают целым рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло бы обнаружить» [17; 46]. В качестве типичного примера анализа поведения человека «по элементам» можно привести сведение поведения человека к сумме рефлексов в радикальном бихевиоризме. Полную противоположность принципу анализа «по элементам» представляет собой *системный* принцип анализа «по единицам», существеннейшая черта которого состоит в том, что продукт такого анализа несет в себе все основные свойства, присущие целому [17].

Из принципа анализа «по единицам» исходит и А. Н. Леонтьев при разработке представлений о структуре предметной деятельности. В предметной деятельности, имеющей иерархическую уровневую структуру, вычленяются относительно самостоятельные, но неотторжимые от ее живого потока «единицы» — действия и

операции. А. Н. Леонтьев специально указывает, что структурные моменты деятельности, «единицы» деятельности не имеют своего отдельного существования. При выделении этих «единиц» мы как бы отвечаем на три следующих вопроса: «*Ради чего осуществляется деятельность? На что направлена деятельность? Какими способами, приемами реализуется деятельность?*» Отвечая на первый вопрос, мы выделяем такой *системообразующий* признак, характеризующий особенную деятельность, как мотив деятельности (предмет потребности). При ответе на второй вопрос внутри деятельности выделяется иерархически подчиненный по отношению к первому *системообразующий* признак — *цель*, к которой стремится субъект, побуждаемый тем или иным мотивом. Процессы, направленные на достижение сознаваемого предвидимого результата, т. е. цели, и представляют собой *действия*. Но действие не происходит в пустоте, а всегда осуществляется в определенных условиях. Для того чтобы ответить на вопрос, какими приемами осуществляется действие, в действиях вычленяются операции — способы достижения цели действия, которые соотносимы с *условиями выполнения действия*. В этих условиях, как правило, фиксированы в результате экстерииоризации те или иные «функциональные значения» [30]. И наконец, четвертым необходимым моментом психологического строения деятельности являются психофизиологические механизмы — реализаторы действий и операций. Таково краткое описание строения предметной деятельности.

В зависимости от задачи, которую ставит перед собой исследователь, у него начинают «работать» при объяснении различных сторон психической реальности разные «единицы» деятельности [34], [51]. Так, например, при анализе развития личности в качестве «единицы» выступает «особенная деятельность». Образцом такого рода исследований являются разработанные Д. Б. Элькониным представления о периодизации развития личности ребенка [50]. При исследовании социальной перцепции, динамики групповых процессов

в социальной психологии в работах Г. М. Андреевой и А. В. Петровского все активнее начинает применяться такая «единица», как совместная предметная деятельность [5], [41]. При исследовании познавательных процессов, например, при изучении запоминания, мышления или восприятия, в качестве «единицы» анализа используется «действие». Именно «действие» рассматривается в исследованиях памяти, проведенных П. И. Зинченко и А. А. Смирновым, как основная единица структурного, функционального и генетического анализа произвольного запоминания [28], [44]. Продуктивность использования «действия» как «единицы» анализа восприятия можно проиллюстрировать на примере исследований, проведенных в русле концепции «перцептивных действий» [24]. Список работ, показывающих объяснительную нагрузку различных «единиц» анализа предметной деятельности, можно было бы продолжить (см. например, [12], [23], [47]).

Представления о «единицах» анализа деятельности, взаимопереходах между ними уточняются и развиваются (см., напр., [47]), но, как бы они ни изменялись, принцип психологического анализа «по единицам» задает общую стратегию изучения структуры предметной деятельности.

7. ПРИНЦИП ЗАВИСИМОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ ОТ МЕСТА ОТРАЖАЕМОГО ОБЪЕКТА В СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из доказательств реальности существования того или иного принципа познания является то, что с ним рано или поздно приходится столкнуться представителям самых

разных ориентаций в науке. Принцип зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности пережил, по крайней мере, два своих рождения. Недавно он был замечен психологами когнитивистского направления, которые в последние годы начали осознавать тот факт, что нельзя построить психологию познавательных процессов в рамках информационного подхода с его схемой «вход — выход», оставив за скобками реальный содержательный процесс взаимодействия человека с миром. «Когнитивные психологи должны предпринять огромные усилия, — пишет лидер этого направления У. Найссер, — чтобы понять то, как осуществляется познание в обычной среде и в контексте целенаправленной деятельности» [55; 71]. До тех пор пока познавательные процессы не будут рассматриваться в контексте деятельности, психологи будут вынуждены довольствоваться чисто внешними количественными их описаниями вроде введенного У. Найссером принципа параллельной переработки информации.

Задолго до того, как психологи когнитивистского направления пришли к мысли о необходимости исследования познавательных процессов в контексте целенаправленной деятельности, в советской психологии в русле теории предметной деятельности на материале исследования памяти был фактически открыт принцип, охарактеризованный нами как принцип зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности. В исследованиях П. И. Зинченко и А. А. Смирнова показано изменение характера зависимости запоминания от того, с какими компонентами деятельности — мотивами, целями или условиями известных работ П. И. Зинченко, обратим лишь внимание на то, что общий методический прием изучения произвольного запоминания является непосредственным воплощением принципа зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности. Суть этого приема состоит в том, что один и тот же материал должен был выступать в эксперименте в двух ипостасях: один раз — в качестве объекта, на который направлена деятельность, т. е. цели действия; другой раз — в качестве фона условия достижения цели, т. е. объекта, который непосредственно не включен в выполняемую субъектом познавательную или игровую деятельность. Подытоживая результаты своих исследований, П. И. Зинченко сделал вывод о том, что материал, составляющий непосредственную цель действия, запоминается более конкретно и эффективно, чем материал, относящийся к способам осуществления действия.

Содержание принципа зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности может быть раскрыто при исследовании творческой деятельности [40] и перцептивной деятельности [27]. Этот принцип также лег в основу функциональной классификации эмоций [16] и представлений о разноуровневой природе установочных явлений [8]. Он представляет собой один из важных принципов теории предметной деятельности и обладает далеко еще не исчерпанным объяснительным потенциалом.

Выделенная и описанная выше система принципов, так же как пронизывающий все исследования в русле деятельностного подхода принцип историзма, являют собой неповторимое лицо теории предметной деятельности. Эти принципы, конечно же, нельзя воспринимать как каноны, от которых последователи Л. С. Выготского не могут отступить ни на шаг.

Канонизация основных принципов теории несет в себе куда большую опасность, чем внешняя или внутренняя ее критика. Теории никогда не умирают от критики. Они гибнут в руках старательных учеников, спешащих их канонизировать и, тем самым, отправить на заслуженный отдых. При этом на всех этапах истории науки ученики проделывают одну и ту же незамысловатую операцию — операцию возведения исходных принципов в ранг постулатов, не требующих доказательств. Не случайно В. Келер, как вспоминает Б. В.

Зейгарник, запретил своим сотрудникам использовать понятие «гештальт» для объяснения тех или иных феноменов; и в этом был абсолютно прав. Если принципы анализа деятельности будут возведены ранг постулата, то теория деятельности превратится в теорию, достойную внимания лишь для историков психологии. Все те принципы, которые выделены в теории предметной деятельности, представляют собой не что иное, как предпосылки, определяющие ход развития современной психологии, ее будущее.

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.
3. *Абраменкова В. В.* Совместная деятельность дошкольников как условие проявления гуманного отношения к сверстникам. — Вопросы психологии, 1980, № 5, с. 60—70.
4. *Абульханова-Славская К. А.* Категория деятельности в советской психологии. — Психологический журнал, 1980, т. 1, № 4, с. 11—28.
5. *Алхазшвили А. А.* Специфика потребностей у человека. — В сб.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974, с. 5—8.
6. *Андреева Г. М.* Социальная психология. — М., 1980. — 416 с.
7. *Асмолов А. Г.* Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее. — В сб.: Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977, с. 60—111.
8. *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. — М., 1979. — 151 с.
9. *Асмолов А. Г.* Классификация неосознаваемых явлений и категория деятельности. — Вопросы психологии, 1980, № 3, с. 45—53.
10. *Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В., Петровский В. А., Субботский Е. В., Хараи А. У., Цветкова Л. С.* О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности. — Вопросы психологии, 1979, № 4, с. 35—46.
11. *Асмолов А. Г., Петровский В. А.* О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности. — Вопросы психологии, 1978, № 1, с. 70—80.
12. *Бернштейн Н. А.* О построении движений. — М., 1947. — 255 с.
13. *Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. — М., 1966. — 352 с.
14. *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. — М., 1979. — 230 с.
15. *Венгер Л. А.* Восприятие и обучение. — М., 1970. — 300 с.
16. *Виллюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. — М., 1974. — 143 с.
17. *Выготский Л. С.* Избранные психологические произведения. — М., 1956. — 520 с.
18. *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. — М., 1960. — 500 с.
19. *Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения. — М.; Л., 1930. — 232 с.
20. *Гальперин П. Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. — В сб.: Исследование мышления в советской психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М., 1966, с. 236—277.
21. *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. — М., 1976. — 150 с.
22. *Гальперин П. Я.* Функциональное различие между орудием и средством. — В сб.: Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии / Ред. И. И. Ильясев, В. Я. Ляудис. М., 1980, с. 195—203.
23. *Давыдов В. В.* Виды обобщения в обучении. — М., 1972. — 424 с.
24. *Давыдов В. В.* Категория деятельности и психического отражения в теории А. Н. Леонтьева. — Вестник МГУ. Психология, 1979, № 4, с. 25—41.
25. *Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления. — В сб.: Психология мышления. М., 1966, с. 86—234.
26. *Запорожец А. В.* Развитие произвольных движений. — М., 1960. — 432 с.

27. *Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зиченко В. П., Рузская А. Г.* Восприятие и действие. — М., 1967. — 322 с.
28. *Запорожец А. В., Эльконин Д. Б.* Психология детей дошкольного возраста. — М., 1964. — 200 с.
29. *Зинченко В. П.* Продуктивное восприятие. — Вопросы психологии, 1971, № 6, с. 27—42.

30. *Зинченко В. П., Гордон В. М.* Методологические проблемы психологического анализа деятельности: Системные исследования. — М., 1975, с. 32—127.
31. *Зинченко П. И.* Непроизвольное запоминание. — М., 1961. — 564 с.
32. *Кон И. С.* Открытие «Я». — М., 1978. — 368 с.
33. *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — М., 1976. — 231 с.
34. *Леонтьев А. А.* «Единицы» и уровни деятельности. — Вестник МГУ. Психология, 1978, №2, с. 3—13.
35. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. — М., 1965.— 576 с.
36. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность — М., 1977.— 304 с.
37. *Ломов Б. Ф.* Категория деятельности в психологии. — Психологический журнал, 1981, № 5, с. 3—22.
38. *Петровский А. В.* Личность в психологии с позиций системного подхода. — Вопросы психологии, 1981, № 1, с. 58—66.
39. *Петровский В. А.* К психологии активности личности.— Вопросы психологии, 1975, № 3, с. 26—38.
40. *Пономарев Я. А.* Психология творчества — М., 1976. —304 с.
41. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. — М., 1979. — 320 с.
42. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. — М., 1957.
43. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. — В кн.: Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М., 1973, с. 255—385.
44. *Смирнов А. А.* Проблемы психологии памяти. — М., 1965. — 350 с.
45. *Суходольский Г. В.* Понятийная система психологической теории деятельности. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 3, с. 12—24.
46. *Талызина Н. Ф.* Управление процессом усвоения знаний. — М., 1975. — 344 с.
47. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. — М., 1969. —304 с.
48. *Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении. — М., 1926.
49. *Шеррингтон Ч.* Интегративная деятельность нервной системы. — Л., 1969. — 392 с.
50. *Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. — Вопросы психологии, 1971, № 4, с. 6—20.
51. *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. — М., 1978. — 392 с.
52. *Allport G. W.* The person in psychology. — Boston, 1969. — 440 p.
53. *Lewin K.* Vorsatz, Will und Bedflrfinis. — Berlin, 1926.
54. *Maslow A. H.* Toward a psychology of being. — N. Y., 1968. — 240 p.
55. *Neisser U.* Cognition and reality. — San Francisco, 1976. —230 p.
56. *Skinner B. F.* Beyond of freedom and dignity. —N. Y., 1971.

Поступила в редакцию 03.III.1981 г.

¹ В ином аспекте ставит эту проблему С. Л. Рубинштейн. Для него за феноменом идеализации любимого человека стоит процесс более глубокого проникновения любящего в сущность личности, раскрытие того, что уже есть в этом человеке и чего не видят другие (см. [43; 374]).

² Мы считаем необходимым особо подчеркнуть эту преемственность во взглядах между Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым в связи с нередко встречающимся мнением о том, что Л. С. Выготский не является представителем теории деятельности.